

Научная статья

УДК 821.161.1+82.0

DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-312-326

**«Из путевых воспоминаний о роковом вопросе»:
репрезентация политического дискурса
в периодике 1860-х годов**

Алексей Евгеньевич Козлов

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

alexey-kozlof@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

Рассматриваются две реплики на статью Н. Н. Стрхова «Роковой вопрос» (1863): «Из путевых воспоминаний о полонизме» (1867) и «Политический разговор с поляками» (1870). Оба текста появились на страницах новых периодических изданий «Всемирный труд» и «Заря», наследующих традициям журналов «Москвитянин», «Время» и «Эпоха». Несмотря на различие редакционных тактик и стратегий, можно констатировать, что в обоих случаях монологический дискурс исходной статьи был переведен в диалогическое русло и инсценирован, аранжирован как разговор в поезде. Так, аргументы, представленные Стрховым, в пропагандистских целях оказались репрезентированы очерками, сценками и импровизированными интервью.

В конце статьи выдвинута гипотеза об атрибуции двух рассматриваемых текстов, а также обозначен тип семиотики поведения, которая определяется дописыванием и комментированием ранее законченного произведения, принесшего своему создателю разочарование и травму (Гоголь и Стрхов).

© Козлов А. Е., 2024

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 312–326

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2024, no. 2, pp. 312–326

Ключевые слова

русская литература, русская журналистика, «Всемирный труд», «Заря»,
Э. А. Хан, В. В. Кашпирев, Н. Н. Страхов, Россия и Польша

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда,
проект № 23-78-01115 «Институциональная история журналов “Всемирный
труд” и “Заря”: репутация и прагматика критиков и беллетристов, сюжетный
и тематический репертуар»

Для цитирования

Козлов А. Е. «Из путевых воспоминаний о роковом вопросе»: репрезентация
политического дискурса в периодике 1860-х годов // Критика и семиотика.
2024. № 2. С. 312–326. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-312-326

**“Following the Fatal Question”:
Representation of Ideological Discourse in the 1860s
(Strakhov and Other)**

Alexey E. Kozlov

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation
alexey-kozlov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

The article examines two remarks to the article by N. N. Strakhov “The Fatal Question” (1863): “From Travel Memories of Polonism” (1867) and “Political Conversation with the Poles” (1870). Both texts appeared on the pages of the new periodicals “World Work” and “Zarya”, following the traditions of the magazines “Moskvi-tyanin”, “Vremya” and “Epoch”. Despite the difference in editorial tactics and strategies, it can be stated that in both cases the monologue discourse of the original article was transferred into a dialogic channel and staged, arranged as a conversation on a train. Thus, the arguments presented by Strakhov were presented in essays, skits and impromptu interviews for propaganda purposes.

At the end of the article, a hypothesis is put forward about the attribution of the two texts under consideration Strakhov, and also a hypothesis is put forward about the

semiotics of behavior, determined by the addition and commenting on a previously completed work, which brought disappointment and trauma to its creator.

In this case, the defining figure in this model was and remains Gogol, the author of *The Government Inspector*, who felt an urgent need to convey to the reader the innermost thing he was trying to express. Of course, with each new iteration, Gogol moved further and further away from the position of the author, expressing the voice of a non-trivial and exceptional reader. A similar paradox was associated with *Dead Souls*. Strakhov, as some pages of his biography show, was prone to resentment, and the ban on his article, as well as the closure of the “*Vremya*” magazine, was experienced by him as an insult to his honor and dignity, a doubt thrown into the public arena in his competence and objectivity. Using a stable plot situation of a conversation on a train, Strakhov, experiencing the catastrophe that befell the original text (in his eyes, practically *The Government Inspector*), created his variations of *Theatrical Passage*. However, the difference was that the critic and publicist Kositsa was never able to go beyond the limits of speculative journalism built on the manipulation of public opinion. In this he differed from his brilliant interlocutors – Dostoevsky and Tolstoy – whose artistic texts, by no means limited to roadside conversations about the fateful questions of modernity, demonstrated a breakthrough to the transcendental.

Keywords

Russian literature, Russian journalism, “World Labor”, “Zarya”, E. A. Khan, V. V. Kashpиров, N. N. Strakhov, Russia and Poland

Acknowledgements

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-78-01115 “Institutional History of the Magazines ‘World Labor’ and ‘Day Spring’: Reputation and Pragmatics of Critics and Fiction-Writers, Plot and Thematic Repertoire”

For citation

Kozlov A. E. “Following the Fatal Question”: Representation of Ideological Discourse in the 1860s (Strakhov and Other). *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2024, no. 2, pp. 312–326. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-312-326

Разговор в поезде – распространенная сюжетная ситуация, частотность которой значительно выше в русской литературе, нежели в европейской [Филипповский, Зимина, 2019]. И в «Идиоте» Ф. М. Достоевского, и в «Дыме» И. С. Тургенева, и в «Крейцеровой сонате» Л. Н. Толстого такая сюжетная ситуация носит характер не только и не столько неформальной коммуникации, сколько сократического диалога, направленного на майевтический поиск истины, и одновременно исповеди, предполагающей, что случайные попутчики никогда больше не увидятся, а всё сказанное

между ними (как в «Крейцеровой сонате») останется тайной [Доманский, 2010].

В то же время такая сюжетная ситуация неоднократно использовалась в публицистике второй половины XIX в.: при этом беседа теряла свой конфессиональный характер, демонстрируя сдвиг от частного существования к социально значимому вопросу, а результатом такой беседы становилось обретение истины, индуктивно распространяемой на всех единомышленников. Такая прагматика, в частности, прослеживается в двух политически заостренных очерках «Из путевых воспоминаний о полонизме» и «Политический разговор с поляками», ориентированных на прецедентный текст – статью Н. Н. Стрхова «Роковой вопрос»¹. Появившись на страницах второстепенных толстых журналов «Заря» и «Всемирный труд»², эти очерки не имели сколько-нибудь серьезного резонанса, однако

¹ В статье «Роковой вопрос» (1863) Стрхов переводил конфликт с Польшей из национального в разряд экзистенциальных: «Между тем в польском вопросе есть черта, которая дает ему страшную глубину и неразрешимую загадочность. Эта черта так ясно обозначается, так прямо бросается в глаза, что скрыть ее или не заметить не возможно. Напрасно мы стали бы не обращать на все внимания или не предавать ей значения; от таких уловок, само собою разумеется, ни мы не выиграем, ни самое дело не переменится» (Стрхов, 1863, с. 45). Как известно, статья вызвала гнев со стороны консервативного сообщества, увидевшего в высказываниях «предательство русских национальных интересов», и привела к закрытию издания братьев Достоевских. Иронизируя по этому поводу, Буренин писал в эпиграмме «Роковое перо» (1872):

Он начал с «Светоча» и плохо
Пришлось журналу: он исчез;
Погибли «Время» и «Эпоха»
От той же странной буквы С
[Видимый миру смех..., 2023, с. 210].

² Согласно оценке Л. А. Аннинского, «Всемирный труд» «имеет не вполне ясную репутацию в нашей науке, а точнее сказать, он не имеет никакой ясной репутации по малозаметности своей в истории российской словесности» [Аннинский, 2012, с. 132]. Сходным образом описано и второе издание: «Главным редактором выставлен тихий провинциал Василий Владимирович Кашпирев, человек непрактичный, влюбленный в литературу и плохо понимающий, за что он берется (психологически важно то, что он родственник покойного Дудышкина). Задуманный журнал окрашивается “Зарей”» [Там же, с. 218]. В отличие от «Всемирного труда», журнал Кашпирева неоднократно оказывался в поле интереса исследователей во многом благодаря опубликованным там «Вечному мужу» Ф. М. Достоевского

представляют несомненный интерес в аспекте изучения политического дискурса 1860-х гг. и манипуляций читательским мнением [Херльт, 2019; Шатин, 2022].

Очерк «Из путевых воспоминаний о полонизме» появился на страницах журнала «Всемирный труд» в 1867 г. Новый журнал, тяготеющий к традициям «Времени» и «Эпохи», в то же время позиционировал себя как наследующий умеренно-либеральным традициям «Отечественных записок» под редакцией А. А. Краевского. Патриотическая и славянофильская тенденция отразилась в публицистике журнала, рассуждениях по поводу «Идеалов», «Принципов жизни» и «Суеты сует» Н. И. Соловьева, а также в отдельном не удавшемся панславистском проекте издателя-дилетанта М. А. Хана и публициста А. С. Гиероглифова «Русско-славянские отголоски». Вторая тенденция выразилась в беллетристике «Всемирного труда» (Вс. В. Крестовский, В. П. Авенариус, Н. Д. Ахшарумов) и некоторых статьях и очерках, нарушающих монолитность установок охранительного издания.

Время действия рассматриваемого очерка – 1863 г., когда «польское повстание дошло до апогея своего развития, и все, так или иначе относившееся к нему, поглощало наше общественное внимание» (Иванов, 1867, с. 200). Очерк представляет собой описание дорожных разговоров, возникших по пути из Петербурга в Москву³, при этом автор сталкивает две позиции – москвича, «господина самой непозволительной величины, сильно смахивавшего на человека-мамонта или, по крайней мере, на человека-быка» (Иванов, 1867, с. 201), и его собеседников – молодых студентов, читающих Бюхнера и Молешотта. Такой контраст должен был бы актуализировать в сознании читателя дискуссии Москвы и Петербурга, «Москвитянина» против «Современника». Одновременно упоминание физиологов и естествоиспытателей в традиционной полемической литературе 1860-х гг. должно было стать сигналом нигилизма [Зубков, 2018], а сама фигура читающего студента-вольнодумца – отсылать к петербургским пожарам 1862 г., в которых традиционно обвиняли социалистов и сочувствующих

и «Кавказскому пленнику» Л. Н. Толстого [Фридендер, 1990; Капустина, 2015; Козлов, 2020; Тоичкина, 2021].

³ Сам этот маршрут, как и фигуры оппонентов, далеко не случаен и укоренен в российской политической культуре.

полонизму⁴. Тем неожиданнее выглядит дальнейшее развитие событий. В тексте крайне негативно аттестуется «московский продукт в полном смысле этого слова» (Иванов, 1867, с. 201), который для начала беседы находит раздражающую тему – обсуждение статьи Страхова «Роковой вопрос». Неправдоподобность происходящего усиливается, когда из багажного мешка он извлекает последнюю книжку «Времени» и апеллирует к тезисам первоисточника:

– Я понимаю его так, что не русский человек, а разве только полячишка какой-нибудь мог написать такую обидную для нас... Такую отвратительную статью.

<...>

– В ней что ни слово, то обида для всякого русского, потому что в ней Польша превозносится чуть не до небес; потому что автор этой статьи оправдывает и старается поддержать все безумные, все нелепые стремления Польши... и подо всем этим осмелился подписать «Русский!». Ну-с, что вы на это скажете? (Иванов, 1867, с. 204).

Предполагаемый студент-«нигилист» вступает в дискуссию с «москвитянином» и утверждает, что «“Роковой вопрос” бьет Польшу вопреки воле автора так, как едва ли бьет ее какая-нибудь другая статья; ни одна из статей, написанных о Польше, не выказывает с такой ясностью и полнотой всю нелепость притязаний ее, всю несостоятельность ее нравственных прав на то положение, какое она усиливается присвоить себе в образованном мире» (Иванов, 1867, с. 204). Далее молодой человек берет на себя труд комментатора статьи Страхова «...не с польской, и, конечно, отнюдь не с русской, патриотической или национальной... а с общечеловеческой точки зрения, <...> с точки зрения истинно-передовых людей и современного просвещения» (Иванов, 1867, с. 206). Аргументы, которые приводит заподозренный в нигилизме молодой человек, стандартны: в Польше до 1860-х гг. существовало крепостное право и социальное неравенство между панам и шляхтой, польские иезуиты утвердили у себя законы самой жестокой инквизиции, сопоставимой разве с инквизицией Средневековья, а местная аристократия представляет собой одно из самых «отвратительных явлений» (Иванов, 1867, с. 208). В итоге, выступая герменевтом и тол-

⁴ Также в координировании поджогов неоднократно подозревались члены редакции «Современника» и в частности Н. Г. Чернышевский. Все это соответствовало теории заговора, в которой Чернышевский выполнял распоряжения Герцена и «Колокола» [Козьмин, 1961].

кователем непонятой и отвергнутой статьи Страхова, молодой человек приходит к победному заключению: «А из этого следует, что автор “Рокового вопроса”, восхваляя Польшу на основании приводимых им данных и указывая на эти данные как на элемент, дающий ей право на уважение и сочувствие других наций, оказывается Фамусовым, восхваляющим своего Максима Петровича» (Иванов, 1867, с. 209). Такое объяснение полностью удовлетворяет предвзятому слушателю: успокоенный и обрадованный «тучный москвич» «в доказательство, что он действительно понимает, продекламировал на весь вагон известный монолог Фамусова: “А дядя – что твой князь, что граф и проч.”⁵. В заключение этого монолога наш декламатор крепко сжал руку молодого человека и с чувством великого удовольствия провозгласил, что он теперь сам видит, какая хорошая штука выходит из “Рокового вопроса”, когда посмотришь на “Роковой вопрос” так, как следует» (Иванов, 1867, с. 212). После короткого объяснения (москвич кается, что посчитал молодых людей нигилистами) и следующей отповеди: «Да Бюхнер-то чем же виноват? Могу вас уверить, что если б Бюхнеру или Молешотту, которых вы, как кажется, тоже недолюбливаете, да и кому то ни было из людей их категории довелось иметь удовольствие беседовать с вами о “Роковом вопросе”, вы тоже бы услышали от них, что и от меня» (Иванов, 1867, с. 214), москвич предлагает своим молодым собеседникам выпить и закутить в трактире, однако получает решительный отказ: студенты покидают поезд на следующей станции.

Несомненный интерес для читателя этого очерка представляет позиция повествователя, по логике дагерротипа лишенного самостоятельного голоса и выполняющего функции фиксирующего фотографического устройства, а также нарушение читательских ожиданий, связанных с фигурами москвича и петербуржца. Во многом это объясняется многовекторностью журнала, тенденции которого отнюдь не исчерпывались славянофильской программой. В итоге в майевтической коммуникации носителем истины и идеальным читателем становится человек прогресса и новейшего поколения, в то время как его оппонент, чьи контраргументы изящно и быстро разбиваются, оказывается неповоротливым провинциалом, полностью соответствующим негативным ожиданиям своих собеседников. При этом интерференция художественного и публицистического оставляет возможность для альтернативной интерпретации, в которой читатели Молешотта

⁵ Не лишено интереса, что именно москвич знает наизусть комедию, отразившую «гоненье на Москву».

попросту обманывают доверчивого москвитянина, заставляя его так читать статью Страхова, как читал книги гоголевский Петрушка.

Значительно проще организован «Политический разговор с поляками», опубликованный в 1870 г. на страницах журнала «Заря». Журнал, издаваемый В. В. Кашпиревым, претендовал на роль главного славянофильского и почвеннического издания, продолжая традиции «Москвитянина» и «Времени». При этом беллетристический отдел журнала не мог похвастать разнообразием: кроме романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» и повестей В. Клюшникова, Кашпирев не располагал сколько-нибудь привлекательным портфелем художественных произведений. Поэтому бреши, связанные с отсутствием романной беллетристики и литературной критики, в первый год заполняла статья Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», растянувшаяся на 10 номеров. Главный идеолог журнала Н. Н. Страхов, в прошлом сотрудничавший с Достоевскими, неоднократно писал о том, что роман Толстого «Война и мир» и статья Данилевского – явления равного порядка.

Посмотрите, дорогие читатели, какие безобразия совершаются в нашей литературе. Явилось великое произведение гр. Л. Н. Толстого «Война и мир». Вместо хора похвал и восторгов литература встретила его сперва угрюмым молчанием, а потом раздалась недоброжелательные, презрительные, злобные, но главное – бестолковые и легкомысленные выходки. Появилось веское и многосодержательное произведение «Россия и Европа», результат весьма подобный: тоже молчание, тоже недоброжелательство и легкомыслие (Страхов, 1869, с. 175).

Назвав роман Толстого национальным достоянием, критик «Зари» в то же время присваивал себе честь рассмотреть «со всей серьезностью и обширностью вопрос о Л. Н. Толстом и его удивительном произведении» (Страхов, 1869, с. 178). Таким образом, Страхов делал журнал Кашпирева как бы сопричастным центральному событию литературной эпохи, одновременно устанавливая тождество между философской публицистикой Данилевского и художественной прозой Толстого. Сходная тактика прослеживается и в других статьях: Страхов прямо позиционировал себя как продолжатель дела «Москвитянина» и Аполлона Григорьева, отказывая Крестовскому и Лескову в звании русских писателей, указывая на питающую их «французскую почву». При этом, рефлексируя по поводу смерти Герцена, Страхов вслед за Погодиным неоднократно писал о том, что оторвавшийся от почвы Искандер мечтал о покаянном возвращении на роди-

ну⁶. Он же замечал, что увлечение «Колокола» полонизмом было роковой ошибкой.

Взгляд на литературу совпадал с политической позицией «Зари»: редакция присоединилась к тем, кто лично обвинял польскую фракцию в подготовке нападения на Александра II, и считала подавление восстания 1863 г. необходимостью. В этом отношении наиболее показательным становится публицистический очерк «Политический разговор с поляками», подписанный псевдонимом *Славянин*. Такая подпись во многом заставляет вспомнить стратегии Страхова, подписавшего свой «Роковой вопрос» псевдонимом *Русский*.

Сюжетная ситуация очерка предельно проста. Рассказчик встречается в вагоне поезда с двумя галицкими поляками, едущими из Кракова в Вену. Пытаясь узнать мнение своих собеседников о происходящем, Славянин, разыгрывая роль сочувствующего, говорит о своей симпатии к независимой и сильной Польше, после чего получает неожиданный ответ от одного из собеседников, внешне напоминающего профессора, что в польских газетах «пишут бредни»:

– Ругать и клеветать москалей – это считается у нас верхом патриотизма, а между тем...

– Неужели Вы осмелитесь защищать москалей, этих проклятых кровопийц польского народа?⁷

⁶ Во многом такому осмыслению последних месяцев Герцена способствовало возвращение «раскаившегося социалиста» В. И. Кельсиева, чьи статьи начали появляться на страницах журналов «Всемирный труд» и «Заря» во второй половине 1860-х гг. Так, в «Заре» был напечатан его очерк, целью которого было показать негативные стороны миграции:

...До сих пор в Лондоне было только три эмигранта: Герцен, Огарев и Вы, а сегодня четвертый прибавился.

Мне стало в одно время и весело, и досадно: весело потому, что все-таки нашего полку прибыло – все-таки новый русский человек будет с нами, а в Лондоне русский человек такая редкость, с другой, стало досадно, что еще один наш русский вышел на эту страшную дорогу, на распутье которой написано

Lasciate ogni speranza

Voi ch'entrate

(Кельсиев, 1869, с. 76).

<...>

– Мы, поляки, отняли у русского народа самое дражайшее сокровище: мы обесчестили, оклеветали его в Европе, мы лишили великий народ его чести – мы пред ним великие виновники и преступники, мы не заслужили с его стороны ни малейшей снисходительности (Славянин, 1870, с. 169).

По мере дискуссии все псевдопольские аргументы Славянина оказываются разбитыми, при этом с профессором солидарен и его спутник, одобрительно кивающий головой. Очерк заканчивается тем, что разговорчивый собеседник призывает как можно скорее присоединить западную Галицию к Российской империи.

– Будьте уверены, что если в России есть настоящие государственные люди, то они выдвинут нас из этого упадка – несмотря на весь протестующий крик наших оглупевших деятелей (Славянин, 1870, с. 175).

В итоге читатель «Зари» получал неопровержимые аргументы в пользу неприятия любого сепаратизма, якобы взятые от первых лиц – польской интеллигенции.

Несмотря на отсутствие упоминаний «Рокового вопроса» во втором тексте, очевидно, что «Разговор...» продолжает ту же риторическую традицию, построенную на переводе публицистического высказывания в перформатив, ролевой режим. При этом стратегии, используемые для репрезентации дискурса, различны: если автор первого очерка визуализирует дискурсы двух вечно спорящих сознаний Петербурга и Москвы, неожиданно солидаризирующихся при обсуждении и осуждении чужого – Варшавы, то во втором очерке польские собеседники вообще лишены какой-либо субъектности, становясь отголоском официально-патриотических суждений о Польше и ее гражданах как вассалах Российской империи.

В связи с этим выскажем соображение, касающееся атрибуции двух этих текстов: с большой вероятностью оба они были написаны Н. Н. Страховым или при его непосредственном содействии. Как известно, после закрытия «Отечественных записок» Страхов рассматривал перспективу сотрудничества в журнале М. А. Хана и даже написал для него посвященный Е. Н. Эдельсону некролог. Однако пестрый состав редакции и неопределенность политических взглядов помешала полноценному осуществле-

⁷ Здесь, вероятно, отразился политический дискурс стихотворного послания А. Мицкевича «Do przyjaciół Moskali».

нию этого замысла. На страницах «Зари» при этом Страхов оставался лидером общественного мнения, который выступал в статьях, обзорах и рецензиях, подписанных как его собственным именем, так и псевдонимами (вернувшись к своей любимой языковой маске семинариста Косицы). Спустя несколько лет отношения изданий испортились: редакция «Всемирного труда» называла «Зарю» *мрачным сонмищем*⁸, а Страхов обвинил журнал Хана в бессодержательности⁹.

Во всей этой истории кажется наиболее любопытным определенный тип семиотики поведения, связанный с возвращением к травмирующему опыту прошлого. Определяющей фигурой в этой модели, безусловно, был и оставался Гоголь – автор «Ревизора», испытавший острую необходимость донести до читателя то сокровенное, что он пытался выразить. Разумеется, с каждой новой итерацией Гоголь всё дальше отходил от позиции автора, выражая голос нетривиального и исключительного читателя. Аналогичный парадокс был связан и с «Мёртвыми душами».

Страхов, как показывают некоторые страницы его биографии, был склонен к ресентименту¹⁰, и запрет его статьи, равно как и закрытие журнала «Время», переживалось им как оскорбление чести и достоинства, брошенное в публичное поле сомнение в его компетентности и объектив-

⁸ В этом словосочетании очевидна отсылка к названию Н. И. Надеждина «Сонмище нигилистов».

⁹ Одновременно Кашпирев и Страхов старались отмежеваться от «Отечественных записок»:

Пример г. Краевского, конечно, весьма поучителен, и никогда не забудется в нашей литературе. Мы этим примером воспользуемся: обещаем нашим читателям никогда не изменять направления «Зари», не передавать ее людям, враждебным этому направлению; обещаем избегать всего, что противно духу нашего журнала, и заботиться обо всем, что может приобрести и сохранить нам уважение наших читателей» (Кашпирев, Страхов, 1869, с. 202).

Как известно, с первых же номеров «Заря» подверглась атаке: в редакцию было прислано стихотворение «Дикарка», подписанное именем А. А. Фета. Стихотворение, с большой вероятностью написанное Д. Д. Минаевым, не Н. С. Лесковым, как считали современники [Ипатова, 2008], заключало в себе акrostих: «ЗОРЕ КАШПИРЕВА УМРЕТ».

¹⁰ Как неоднократно было показано исследователями, в основе большинства сплетен, пущенных Страховым, услышанные и прочитанные им оценки своей собственной личности [Кибальник, 2018].

ности. Используя устойчивую сюжетную ситуацию разговора в поезде, Страхов, переживая катастрофу, постигшую исходный текст (в его глазах – практически «Ревизор»), создавал свои вариации «Театрального разъезда» и «Развязки “Ревизора”». Однако различие состояло в том, что критик и публицист Косица так и не смог выйти за пределы спекулятивной публицистики, построенной на манипуляции общественным мнением. Этим он отличался от своих собеседников – Достоевского и Толстого, бывших попеременно предметами его ненависти и восхищения, чьи художественные тексты, отнюдь не ограниченные дорожными разговорами о роковых вопросах современности, демонстрировали прорыв к трансцендентному.

Список литературы

- Аннинский Л.* Лесковское ожерелье. СПб., 2012. 560 с.
- Видимый миру смех: Литература 1860–1870-х годов в зеркале гротеска, пародии и стилизации / А. Е. Козлов, А. Г. Василенко и др. М.: Флинта, 2023. 597 с.
- Доманский Ю. В.* Вариативность в песенных текстах «Разговор в поезде» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2010. № 11. С. 69–75.
- Зубков К. Ю.* Слова-сигналы нигилизма и «Обрыв» И. А. Гончарова // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 25–39.
- Ипатов С. А.* Кто же был автором акростиха «Дикарка», подписанного «А. Фет» (мистификация или пародия) // Жанры в историко-литературном процессе: Сб. науч. ст. СПб., 2015. Вып. 6. С. 17–24.
- Капустина И. О.* Сотрудничество Ф. М. Достоевского с журналом В. В. Кашпирева «Заря» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 5. С. 51–65.
- Кибальник С. А.* К разгадке одной писательской диффамации: почему Н. Н. Страхов оклеветал Ф. М. Достоевского // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2018. № 55. С. 191–211. DOI 10.17223/19986645/55/13
- Козлов А. Е.* «Пасквиль на литературу»: журналы «Всемирный труд» и «Заря» в оценках сатирического еженедельника «Искра» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-9-20
- Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. М.: Наука, 1961. 764 с.

Тоичкина А. В. Н. Н. Страхов, журнал «Заря» и творчество Ф. М. Достоевского конца 1860-х гг. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. № 3. С. 479–497.

Филипповский Г. Ю., Зими́на Л. И. Метафорическое пространство концепта *железная дорога* в текстах русских и европейских романтиков XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2. С. 8–15. DOI 10.24411/2499-9679-2019-10379

Фридендер Г. М. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Вечный муж // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1990. Т. 8. С. 695–706.

Херльт Й. «На каком расстоянии кончается человеколюбие?»: Толстой и Достоевский в 1877 году: социальная эпистемология романа // НЛЮ. 2019. № 1 (155). С. 42–61.

Шатин Ю. В. «Анна Каренина» – Ф. М. Достоевского. Казус риторики // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 292–301. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-292-301

Список источников

Иванов Б. К. [Страхов – Dubia] Из путевых воспоминаний о полонизме // Всемирный труд. 1867. № 9. С. 200–213.

[Каши́рев В. В., Страхов Н. Н.] Заявление от редакции // Заря. 1869. № 2. С. 201–207.

Кельсиев В. Я. Из рассказов об эмигрантах // Заря. 1869. № 3. С. 76–100.

Славянин [Страхов – Dubia] Политический разговор с поляками (письмо в редакцию) // Заря. 1870. № 8. С. 156–166.

Страхов Н. Н. Роковой вопрос // Время. 1863. № 4. С. 152–163.

Страхов Н. Н. Критические заметки о текущей литературе (О статье «Россия и Европа») // Заря. 1869. № 11. С. 168–179.

References

Anninsky L. Leskovskoe ozherel'e [Leskov Necklace]. St. Petersburg, 2012, 560 p. (in Russ.)

Domansky Yu. V. Variativnost' v pesennykh tekstakh “Razgovor v poezde” [Variability in the song lyrics “Conversation on the Train”]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*, 2010, no. 11, pp. 69–75. (in Russ.)

Filippovsky G. Yu., Zimina L. I. Metaforicheskoe prostranstvo kontsepta *zheleznaya doroga* v tekstakh russkikh i evropeiskikh romantikov XIX v. [Metaphorical Space of the Concept *Railway* in the Texts of Russian and European

Romantics of the 19th Century]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*, 2019, no 2, pp. 8–15. (in Russ.) DOI 10.24411/2499-9679-2019-10379

Fridlender G. M. Kommentarii: F. M. Dostoevsky. Vechnyy muzh [Comments: F. M. Dostoevsky. The Eternal Husband]. In: Dostoevsky F. M. Collected works. In 15 vols. Leningrad, Nauka, 1990, vol. 8, pp. 695–706. (in Russ.)

Ipatova S. A. Kto zhe byl avtorom akrostikha “Dikarka”, podpisannogo “A. Fet” (mistifikatsiya ili parodiya). In: Genres in the historical and literary process: Collection of scientific articles. St. Petersburg, 2015, iss. 6, pp. 17–24. (in Russ.)

Kapustina I. O. Sotrudnichestvo F. M. Dostoevskogo s zhurnalom V. V. Kashpireva “Zarya” [Collaboration of F. M. Dostoevsky with the magazine of V. V. Kashpиров “Zarya”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Journalistics*, 2015, no. 5, pp. 51–65. (in Russ.)

Kherlt Y. “Na kakom rasstoyanii konchaetsya chelovekolyubie?”: Tolstoy i Dostoevskiy v 1877 godu: sotsial'naya epistemologiya romana [“At What Distance Does Love for Humanity End?”: Tolstoy and Dostoevsky in 1877: The Social Epistemology of the Novel]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2019, no. 1 (155), pp. 42–61. (in Russ.)

Kibalnik S. A. K razgadke odnoy pisatel'skoy diffamatsii: pochemu N. N. Strakhov oklevetal F. M. Dostoevskogo [Towards the solution of one writer's defamation: why N. N. Strakhov slandered F. M. Dostoevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2018, no. 55, pp. 191–211. (in Russ.) DOI 10.17223/19986645/55/13

Kozlov A. E. “Libel of Literature”: “The World Labor” and “Day Spring” in the Estimates of the Satirical Weekly Magazine “Iskra”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-9-20

Kozlov A. E., Vasilenko A. G. et al. Vidimy miru smekh: Literatura 1860–1870-kh godov v zerkale groteska, parodii i stilizatsii [Laughter visible to the world: Literature of the 1860–1870s in the mirror of the grotesque, parody and stylization]. Moscow, 2023, 597 p. (in Russ.)

Kozmin B. P. Iz istorii revolyutsionnoi mysli v Rossii [From the history of revolution ideas in Russia]. Moscow, Nauka, 1961, 764 p. (in Russ.)

Shatin Yu. V. “Anna Karenina” – F. M. Dostoevskogo. Kazus ritoriki [“Anna Karenina” by F. M. Dostoevsky. A Case of Rhetoric]. *Critique and semiotics*, 2023, no. 2, pp. 292–301. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-292-301

Toichkina A. V. N. N. Strakhov, zhurnal “Zarya” i tvorchestvo F. M. Dostoevskogo kontsa 1860-kh gg. [Strakhov, the “Zarya” Magazine, and the Works

of F. M. Dostoevsky in the Late 1860s]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literature*, 2021, no. 3, pp. 479–497. (in Russ.)

Zubkov K. Yu. Slova-signaly nigelizma i “Obryv” I. A. Goncharova [Words-signals of nihilism and “Precipice” by I. A. Goncharov]. *Critique and Semiotics*, 2018, no. 2, pp. 25–39. (in Russ.)

List of Sources

Ivanov B. K. [Strakhov – Dubia] Iz putevykh vospominanii o polonizme. *Vsemirnyi Trud*, 1867, no. 9, pp. 200–213. (in Russ.)

[Kashpirev V. V., Strakhov N. N.] Zayavlenie ot redaktsii. *Zarya*, 1869, no. 2, pp. 201–207. (in Russ.)

Kelsiev V. Ya. Iz rasskazov ob emigrantakh. *Zarya*, 1869, no. 3, pp. 76–100. (in Russ.)

Slavyanin [Strakhov – Dubia] Politicheskii razgovor s polyakami (pis'mo v redaktsiyu). *Zarya*, 1870, no. 8, pp. 156–166. (in Russ.)

Strakhov N. N. Rokovoi vopros. *Vremya*, 1863, no. 4, pp. 152–163. (in Russ.)

Strakhov N. N. Kriticheskie zametki o tekushchei literature (O stat'e “Rossiya i Evropa”). *Zarya*, 1869, no. 11, pp. 168–179. (in Russ.)

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук

RSCI Author ID 681070

SPIN 7472-7780

Information of the Author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Sciences (Philology)

RSCI Author ID 681070

SPIN 7472-7780

Статья поступила в редакцию 01.02.2024;

одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 10.03.2024

The article was submitted on 01.02.2024;

approved after reviewing on 10.03.2024; accepted for publication on 10.03.2024